

**Население Борзненского уезда Черниговской губернии в возрасте X и выше, по данным
Переписи 1897 г. и Переписи дворов 1888 г., с использованием различных уровней
смертности от восточной серии таблицы смертности**

Женщины									
Возраст	Перепись 1897 г.	Ожидаемое население при продолжительности жизни							
		30, 000	32, 500	35, 000	37, 500	40, 000	42, 500	45, 000	
8, 2+	53328	51770	52349	52897	53405	53884	54325	54751	
18, 2+	37286	37064	37419	37762	38081	38384	38673	38928	
28, 2+	26250	26 164	26460	26746	27014	27267	27508	27723	
38, 2+	16941	15870	16082	16287	16480	16661	16 835	16993	
48, 2+	9798	9 137	9284	9427	9563	9689	9812	9922	
Мужчины									
Возраст	Пе- репись 1897 г.	Ожидаемое население при продолжительности жизни							
		29, 861	32, 319	34,765	37, 200	39,622	42, 066	49, 017	53, 683
8, 2+	51 294	51 289	51 800	52274	52722	53 140	53540	54560	55205
18, 2+	37775	36541	36848	37 131	37405	37659	37892	38501	38919
28, 2+	26217	25623	25881	26 122	26354	26568	26768	27280	27638
38, 2+	17292	15887	16083	16264	16439	16601	16754	17 136	17392
48, 2+	10079	9 100	9236	9361	9483	9594	9702	9963	10 142

* Составлено по: см. табл. 5; Центральный статистический комитет, Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. СПб., 1905. Т. XLVIII (Черниговская губерния). С. 16—17.

зависимость, что служит основанием теории демографического перехода ⁷⁵. Но насколько хорошо исследование смертности может заменить определение уровня жизни, и какие нужны доказательства для подтверждения точки зрения о том, что это уменьшение смертности вызвано повышением качества питания? Согласно классической точке зрения Маккеона:

«Увеличение населения происходит благодаря уменьшению смертности, что приводит к росту продолжительности жизни. Смертность падает главным образом из-за уменьшения числа смертей от инфекционных заболеваний... Самой ранней и наиболее важной причиной снижения числа инфекционных заболеваний было улучшение питания, которое происходило благодаря успехам в сельском хозяйстве и транспорте» ⁷⁶.

Современный специалист по международным проблемам здоровья Тейлор относительно точки зрения Маккеона заметил: «За последние 20 лет были изучены сильное влияние даже субклинического частичного недоедания на заболеваемость и смертность от многих инфекционных заболеваний, а также в какой-то мере и механизм этого влияния, и эта информация является ценным материалом для историков» ⁷⁷. Хотя этот «синергизм» между смертностью и плохим питанием характеризовался исследователем как «эпидемиологически правильный», он неоднократно подвергался критике. В анализе, который Маккеон провел по данным о Великобритании, тезис о питании победил «на основании принципа, провозглашенного Шерлоком Холмсом: когда мы исключаем все невозможное, то, что остается, каким бы невероятным оно ни казалось, должно быть правдой» ⁷⁸. Таким

Продолжительность жизни при рождении (e^0) *

Возраст	Мужчины	Женщины
8, 2+	29, 9	37, 1
18, 2+	40, 8	31, 6
28, 2+	35, 8	30, 7
38, 2+	51, 8	44, 2
Средняя	39, 6	35, 9
Медиана	38, 3	34, 4
Средняя (оба пола)		37, 8
Медиана («)		36, 4

* Источник см. таблицу 6.

В таблице отсутствуют оценки для населения в возрасте 48, 2+ Установлено, что в этой категории населения часто сообщаются завышенные значения возраста.

образом, он приходит к своему выводу после исключения влияния индивидуальных медицинских мер, случайных колебаний в характере инфекционных заболеваний и увеличения подверженности болезням, связанного с индустриализацией, как причин, обуславливающих уменьшение смертности. Маккеон подвергался критике за это «заключение методом исключения» и «вольное обращение с редуктивной логикой», поскольку «отсутствуют свидетельства улучшения уровня питания в Англии между 1700 и 1850 гг. « и существуют «косвенные доказательства того, что уровень жизни в это время в действительности ухудшался»⁷⁹. Кроме того, Ливи-Басси подвергал сомнению связь между питанием и смертностью и тоже отмечал, что прямые доказательства связи между этими категориями в большинстве стран Европы отсутствуют⁸⁰.

Важность этой дискуссии состоит в том, что, во-первых, выводы Грегори, изложенные выше, являются вескими свидетельствами существенного улучшения уровня питания сельского населения, происходившего по крайней мере с 1885 г., когда был начат анализ. Увеличение количества остающегося в деревне зерна позволяет с большой вероятностью предполагать, что существенная часть увеличивающегося дохода на душу населения тратилась на пищу. При этом следует помнить, что Грегори недооценивал потенциальные возможности улучшения питания крестьян. Во-вторых, Новосельский считал, что в последние годы существования царской России происходило заметное падение смертности от инфекционных заболеваний. В Англии и Италии на уменьшение смертности от инфекционных заболеваний приходилось примерно 40% увеличения продолжительности жизни между 1851-м и 1871—1881 гг., что сильнее всего проявлялось на ранних стадиях падения смертности⁸¹. Однако свидетельства Новосельского вряд ли можно считать однозначными. Регистрация на всероссийском уровне причин смерти началась в России только с 1890 г. и проводилась священниками, а не врачами. Кроме того, хотя Новосельский описывал четкое уменьшение смертности от кори и коклюша, при которых смертность определенно зависит от уровня и качества питания, и существенное уменьшение смертности от тифа и дифтерии, при которых роль питания менее надежно установлена, он отмечал также падение смертности и от других болезней, особенно от оспы, при которых питание является менее существенным фактором. Во всяком случае результаты Новосельского согласуются с общими тенденциями изменения смертности от болезней в Европе, включая и те болезни, которые

в меньшей степени зависят от калорий пищи⁸². Есть также определенные данные, правда, ограниченного характера, об увеличении среднего роста рекрутов российской армии в период между 1890 и 1899 гг., также свидетельствующие об улучшении питания. Необходима осторожность в интерпретации этих данных, однако наличие их является многообещающим для историков⁸³.

Концепция «синергизма» не была принята без возражений, и мы остановимся на некоторых из них. Русские демографы последних лет существования царской России отмечали высокие и пугающие стабильные показатели младенческой смертности (в возрасте до 1 года), основной причиной которой были желудочные заболевания (поносы). Увеличение продолжительности жизни происходило в большей степени в результате уменьшения смертности среди детей, особенно в возрасте 1—10 лет, и в меньшей степени среди взрослых, и было связано с ростом сопротивляемости нежелудочным инфекционным болезням. Такими же были причины уменьшения смертности в Англии в XVIII и XIX вв., а также в большинстве современных развивающихся стран⁸⁴. Наиболее удивительно, что самая высокая детская смертность среди всех этнических групп наблюдалась у великороссов, и современники обоснованно объясняли это хорошо известной для Великороссии практикой вскармливания детей. Тот факт, что женщины кормили детей грудью только короткий период времени, а затем переводили их на твердую пищу, приводил к очень высокой детской смертности от желудочных заболеваний, поносов⁸⁵. Таким образом, как указывали Ливи-Басси, Шофильд, Реер и даже сам Маккеон, связь между младенческой смертностью и питательностью пищи могла быть нарушена культурными традициями, совершенно не связанными ни с доходами, производством, наличием продуктов, ни с уровнем жизни в целом⁸⁶.

И все-таки для царской России, несмотря на вышеописанное исключение, свидетельства «синергизма» между улучшением питания и долговременным уменьшением смертности в период 1867—1913 гг. являются более убедительными, чем где бы то ни было. Зная влияние иммунизации и терапевтических мер до начала XX в. в Западной Европе, будучи уверенными в отсутствии существенных улучшений в области общественной гигиены на селе, влияющей на качество воды, пищи и сточных вод в России в рассматриваемый период, можно сказать, что все эти факторы не заслуживают детального рассмотрения⁸⁷.

Впервые высказанное Мальтусом и широко распространившееся мнение о равновесии между населением и ресурсами не соответствовало российской действительности. Еще в 1860-х гг. Россия начала «высвобождаться» от демографического давления, обусловленного высокой плодovitостью и высокой смертностью. Как и в большинстве стран Европы в более ранний период, в России «высвобождение» началось с «весьма существенного уменьшения смертности», и возможные объяснения этого «должны лежать во взаимосвязанных областях — качестве питания... и уменьшении случаев инфекционных заболеваний»⁸⁸.

Хотя связь между питанием и смертностью более четко прослеживается в России, чем в других местах, неясно, в какой степени падение смертности обусловлено улучшением рациона питания. Механизм уменьшения смертности, в особенности ее возрастные и причинные характеристики, требуют дальнейшего исследования. Необходимо оценить влияние таких социобиологических и экологических факторов, как исторически сложившаяся в России высокая плодovitость и младенческая смертность, меньшая, чем в большинстве европейских стран плотность населения и большее разнообразие климатических условий. Неясно также, насколько совпадает распространение заболеваний — в терминах вирулентности — в России и в остальной Европе. В конце концов, изменения показателей смертности могут свидетельствовать как о некоторых преимуществах, так и об очевидных негативных следствиях отсталости экономического развития России. Церковные записи (метрические книги), ставшие доступными, окажутся весьма полезными для дальнейшего изучения этого вопроса (государственные регистрационные записи существуют только с конца прошлого века).

Правомерно ли, опираясь на имеющиеся данные, предполагать, что повышение уровня жизни началось сразу же после освобождения крестьян, несмотря на негативные оценки всех правил земельной реформы, которые обычно давались историками с разными идеологическими убеждениями? Можно ли говорить о повышении уровня жизни в этот период при отсутствии существенных инвестиций в транспортную систему XIX в.? Никто не может отрицать, что количество земли в деревне на душу населения уменьшилось, и многие считали, что цена на землю была завышена. А в недавнем обзоре Е. Домара утверждается, что завышенность платы, которую крестьяне выплачивали за свою землю, была значительно большей, чем следует из часто цитируемых данных Лосицкого, согласно которым превышение цен составляло 34% (90% в нечерноземных, 20% в черноземных губерниях и 0% в западных областях). Домар утверждает, что «в среднем превышение цен было более чем в 3 раза; в нечерноземных и черноземных зонах крестьяне переплачивали в 4 раза, и только на Западе им повезло и удалось выкупить землю всего лишь за двойную цену»⁸⁹. Сам Домар был потрясен тем, что эти «фантастические соотношения» были реальностью и царский режим «мог совершить такой обман»⁹⁰.

Но для оценки влияния реформы 1861 г. на уровень жизни крестьян следует рассмотреть другой вопрос. Хотя понятно, что крестьяне выплачивали помещикам компенсацию не только за землю, но и за потерю рабочей силы и, следует добавить, за собственность крепостных, можно ли считать, что выплаты компенсировали все потери помещиков? Гершенкрон высказывает по этому поводу следующее:

«Мы остановимся на проблеме, которая по тем или иным причинам не была достаточно освещена в литературе. Постановление о выкупе, если рассматривать его изолированно, было весьма выгодно для крестьянства, поскольку оно не предполагало больших дополнительных выплат. Вообще говоря, маловероятно, чтобы общие ежегодные взносы были большими, чем прежний оброк. После учета всех за и против можно с уверенностью сказать, что заключение выкупных соглашений было весьма привлекательной сделкой для крестьян»⁹¹.

Два новых архивных исследования свидетельствуют не только о том, что этот взгляд достаточно обоснован, но и о том, что послереформенные платежи были в действительности меньшими, чем дореформенный оброк⁹². Гершенкрон со мной бы не согласился, но новые количественные данные, базирующиеся на систематическом анализе всех имеющихся выкупных соглашений по двум губерниям, вряд ли могут вызвать возражения. В Новгородской губернии в дореформенный период средняя величина оброка на одну десятину была 1, 2 р. Для временнообязанных крестьян эта величина была больше на 16, 7% и равнялась 1, 4 р. После выкупа плата была уменьшена и составляла от 1, 05 до 1, 12 р. за десятину. Аналогичной была ситуация в Санкт-Петербургской губернии, где средний дореформенный оброк был равен 1, 43 р. за десятину, для временнообязанных крестьян — 1, 7 р., а для большинства бывших крепостных на выкупе — между 1, 28 и 1, 36 р. Таким образом, независимо от того, что крестьяне платили завышенную цену за землю, за использование земельной единицы бывшие крепостные платили меньше, чем раньше, примерно на 7—14% в Новгородской губернии, на 5—12% меньше, чем в Санкт-Петербургской губернии. И хотя крестьяне, будучи временнообязанными, находились в худшем положении, чем крепостные, они стали более состоятельными после выкупа земли. Другими словами, помещики не получили полной компенсации за свои потери. Часть этих средств попала к крестьянам, хотя часть эта была в действительности меньше той, которую они хотели бы получить, и не определялась количеством полученной земли. Во всяком случае уменьшение крестьянских обязательств было реальным, и оно может помочь объяснить наблюдаемые тенденции в изменении смертности. Целью Редакционной комиссии, составлявшей законодательные положения реформы 1861 г., было провозглашено улучшение условий жизни крестьян, и вполне возможно, что в конце концов цель эта была достигнута.

Точно оценить дореформенные тяготы можно только для оброчных крестьян. Крестьяне, которые заключали добровольные соглашения с помещиками о выкупе земли, могли договариваться и о дополнительной плате. Но только Уз всех выкупных операций была добровольной (за исключением западных губерний, где в 1863 г. они были обязательными), и большинство из них не содержало указаний на дополнительную плату⁹³.

Попробуем рассмотреть гипотетический пример, касающийся крепостных на барщине. Согласно Гершенкрону, в плодородных черноземных и степных губерниях крестьяне из-за реформы потеряли 23% своих владений. Предположим, что доход от всех типов землепользования в дореформенный период делился поровну между крепостными и помещиками. К такому логическому выводу можно прийти, если вспомнить, что крестьяне были обязаны отрабатывать на помещика 3 дня в неделю в регионах с изобилием земли и в тех областях, где рабочая сила *была* главным фактором, определяющим количество производимой продукции. После реформы в распоряжении крестьян находилось 38, 5% всей обрабатываемой земли, а владения бывших владельцев крепостных увеличились до 61, 5%. Но помещики теперь должны были платить за труд, а крестьяне — вносить выкупные платежи государству.

Работа исполу была распространеннейшей практикой землепользования в первые десятилетия после освобождения. Если урожай делился пополам (что было наиболее типично), то крестьянин получал доход от почти 70% земли (38, 5% от своего надела плюс 30, 8% от половины общего урожая). Если разделение урожая происходило в пользу помещика с соотношением 2: 1, то крестьянину доставалось 59% дохода (38, 5% плюс 29, 5%). Этот упрощенный пример показывает, что в послереформенный период крестьяне, по всей вероятности, имели новые дополнительные доходы и получили возможность выполнить все свои финансовые обязательства. Он объясняет и то, что бывшие крепостные были в состоянии совершать выкупные платежи, и почему достаточно резко уменьшалось помещичье хозяйство, по крайней мере в первые годы после реформы. Судьба освобожденных крестьян зависела в большой степени от характера и динамики послереформенных земельных отношений между крестьянами и землевладельцами, в руках которых в первые десятилетия после реформы находилось большинство угодий. Данных об этих отношениях очень мало, но тенденция изменения смертности позволяет считать, что баланс был в пользу крестьян.

И, наконец, две исторически важные точки отсчета также требуют переосмысления. Во-первых, уменьшение выкупных платежей, санкционированное самодержавием в 1881 г. и обычно интерпретируемое как свидетельство крестьянского обнищания, на самом деле частично, если не полностью, было связано с другими факторами. Законодательство 1861 г. требовало переоценки размера оброков временнообязанных крестьян через 20 лет. Это, а также напряженное состояние государственных финансов после русско-турецкой войны и тот факт, что выкупные операции приводили к образованию излишков, заставили пересмотреть финансовые аспекты освобождения крестьян⁹⁴. Самым главным для правительства была необходимость налоговых реформ, весьма важных и долго откладываемых. Целью реформ было хорошо известное перемещение центра тяжести на сбор косвенных налогов. И специальная государственная комиссия в начале 1881 г. постановила, что «первым шагом в трансформации прямых налогов должно быть уменьшение выкупных платежей», поскольку они превышали уровень подушных налогов в 3, 5—4, 4 раза. Таким образом, упразднение подушных налогов, уменьшение подушных платежей, включение выкупных операций в государственный бюджет и новые косвенные налоги были частью главной реформы финансовой политики 1880-х гг., направленной на решение бюджетных проблем⁹⁵.

Во-вторых, следует поставить под сомнение влияние на рост населения мальтузианских разрушительных факторов, таких, например, как неурожай, который

поразил Россию в начале 90-х гг. Проводя анализ перенаселения в Европе, Григг утверждал, что «кризисная смертность большей частью не была связана с давлением перенаселения», — вывод, который затем был подтвержден многими. При засухе и неурожае в 1891—1892 гг. в России остается неясным, может ли, а если да, то в какой степени уязвимость от кризисов быть связана с давлением перенаселения, и «насколько [она] связана с характером производства, при котором образовывались недостаточные запасы и который не был достаточно разнообразным и не обеспечивался системой страховки и взаимной ответственности, существовавшей тогда в других государствах»⁹⁶. В действительности, если цифры, приводимые Нифонтовым, верны, то непосредственным следствием неурожая было драматическое увеличение производства картофеля с целью расширения качественной базы урожая⁹⁷.

Российским историкам, занимающимся социальными и экономическими вопросами, по-видимому, имеет смысл более серьезно относиться к тем критикам Мальтуса, которые положительно оценивали рост народонаселения⁹⁸. В частности, тезис, согласно которому «сибирский невежа» с его «естественной ленью», по Мальтусу, и уклоняющийся от тяжелой работы крестьянин, который сам себя эксплуатировал (описан Чаяновым) — оба были жертвами своей неограниченной плодовитости — нуждается в пересмотре⁹⁹.

«Весьма существенно, что в прошлом фермеры производили только такое количество продуктов, которое они употребляли в пищу и могли продать, а рынки часто были труднодоступными. Таким образом, количество производимой продукции не могло быть четким индикатором возможностей производства; такое предположение привело многих исследователей к необоснованному выводу о невозможности производить продукты для дополнительных ртов»¹⁰⁰.

Рост населения не обязательно приводит к трагическим последствиям, и отказ или нежелание принять эту точку зрения вряд ли был продуктивным. Вопреки Мальтусу, рост населения может вызывать положительные изменения в потребительском спросе на товары, предложении рабочей силы, уровне сельской технологии, развитии и прибыльности сельскохозяйственной промышленности и домашних ремесел, может приводить к образованию кредитного рынка и увеличению инвестиций в инфраструктуру. Фундаментальные изменения в классовых отношениях в российской деревне в 1860-х гг., которые были непосредственным результатом политики самодержавия, оказались выгодными для крестьянства. Выгоды эти ощущались бывшими крепостными, несмотря на отсутствие других структурных изменений в сельской экономике. Слишком большое внимание уделялось недостаткам крестьянской общины и очень малое — потенциальным возможностям увеличения эффективности производства, которые возникали после освобождения крестьян благодаря новым рыночным отношениям в землепользовании. Коммерциализация сельскохозяйственной экономики могла также способствовать более интенсивной обработке земли, особенно в районах, близких к большим городам. Эти процессы следует отличать от ленинских взглядов на расслоение и обеднение крестьянства, а также на развитие капитализма в деревне. Становится все более ясным, что деревенская Россия была весьма далека от капиталистического пути развития и даже не двигалась в этом направлении¹⁰¹. И, наконец, даже при враждебной по отношению к сельскому сектору государственной политике (в чем часто обвиняли Россию последнего десятилетия XIX в.) эндогенная реакция на рост сельского населения могла перевешивать (возможно, и в подавляющей степени) намерения правительства.

Из всего сказанного следует, что ортодоксальные взгляды на перенаселенность России, находившейся под влиянием или угрозой мальтузианского кризиса, требуют пересмотра. И все то, что этот «кризис» привнес в наше понимание развития дореволюционной России, вызывает серьезные сомнения.

Примечания

¹ Vasudevan H. S. Peasant Land and Peasant Society in Late Imperial Russia//The Historical Journal. V. 31. № 1 (1988). P. 208—209.

² Robinson G. T. Rural Russia under the Old Regime. L.: Macmillan, 1932. P. 96, 111; Брежеский Н. Недоимочность и круговая порука сельских обществ. СПб., 1897. С. 393—413; Мигулин П. П. Выкупные платежи: К вопросу об их понижении. Харьков, 1904. С. 46; Liashchenko P. I. History of the National Economy of Russia to the 1917 Revolution. N. Y.: Macmillan, 1949. P. 447; Gerschenkron A. Agrarian Policies and Industrialization, Russia 1861 — 1917//The Cambridge Economic History of Europe. L., 1965. V. 6. P. 768—770; Дружинин Н. М. Русская деревня на переломе. 1861—1880 гг. М.: Наука, 1978. С. 76—77; Atkinson D. The End of the Russian Land Commune, 1905—1930. Stanford: Stanford University Press, 1983. P. 33; Rogger H. Russia in the Age of Modernization and Revolution 1881 — 1917. N. Y.: Longman, 1983. P. 77; Mironov B. The Peasant Commune after the Reforms of the 1860s//Slavic Review. V. 44. № 3, 1985. P. 453; Gattrell P. The Tsarist Economy 1850—1917. L.: Batsford, 1986. P. 197; Volin L. A Century of Russia Agriculture from Alexander II to Krushchev. Cambridge: Harvard University Press, 1970. P. 52—56; Wheatcroft S. G. Crises and the Condition of the Peasantry in Late Imperial Russia//E. Kingston-Mann and T. Mixter, eds. Peasant Economy, Culture, and Politics of European Russia, 1800—1921. Princeton: Princeton University Press, 1991. P. 166. Л. Волин и С. Уиткрофт также считают недоимки показателем тяжелого финансового бремени русского крестьянства и низкого уровня жизни, если не бедственного положения.

³ Simms J. Y., Jr. The Crisis in Russian Agriculture at the End of the Nineteenth Century: A Different View//Slavic Review. V. 36. № 3. September 1977. P. 385. См. также: Bideleux R. Communism and Development. L.: Methuen, 1985. P. 16.

⁴ Sanders J. T. 'Once More Into the Breach, Dear Friends': A Closer Look at Indirect Tax Receipts and the Condition of the Russian Peasantry, 1881—1899//Slavic Review; V. 43. № 4. 1984. P. 664—665.

⁵ Hamburg G. M. The Crisis in Russian Agriculture: A Comment//Slavic Review. V. 37. № 3. 1978. P. 485.

⁶ Simms J. Y., Jr. Op. cit. P. 381.

⁷ Ibid. P. 382, сноска 27; Хромов П. А. Экономическое развитие в России в XIX—XX веках. М.: Госполитиздат, 1950. С. 498—499.

⁸ Simms J. Y., Jr. Op. cit. P. 381.

⁹ Ibid. P. 385. Уиткрофт также утверждает, что «невыполнение многих прямых налоговых платежей было в большей степени компенсацией, чем часто считали» (Wheatcroft S. G. Op. cit. P. 166).

¹⁰ Scott J. C. The Moral Economy of the Peasant: Rebellion and Subsistence in Southeast Asia. New Haven: Yale University Press, 1976.

¹¹ Отчет Государственного банка по выкупной операции с открытия выкупа до 1 января 1892 года. СПб., 1893. С. 23; Кованько П. Реформа 19 февраля 1861 года и ее последствия с финансовой точки зрения (Выкупная операция 1861 г. — 1907 г.). Киев, 1914. Приложения № 4 и 5, 54 и 59—60; Полное собрание законов Российской империи. Собрание III. СПб., 1885—1917. VI: 3, 807.

¹² Simms J. Y., Jr. Op. cit. P. 382—383. Уиткрофт делает ту же ошибку, что и Симмс, при интерпретации отраженного в расписках огромного увеличения выкупных платежей (Wheatcroft S. G. Op. cit. P. 157).

¹³ Отчет Государственного банка...; Общий баланс выкупной операции//Вестник финансов, промышленности и торговли. 1903. 8 июля. С. 23. Приложение; Кованько П. Указ. соч. См. также: Вильсон И. Выкупные за земли платежи крестьян-собственников, бывших помещичьих, 1862—1876//Записки Императорского Русского Географического общества по отделению статистики. СПб., 1878. Т. 5. С. 259—318, 326—373. Начиная с 1893 г. правительство выпускало ежегодные финансовые отчеты по выкупным операциям.

¹⁴ Отчет Государственного банка... С. 23; Общий баланс... Приложение.

¹⁵ Кованько П. Указ. соч. Приложение 4. Табл. 4. Приложение 5. Табл. 1. С. 54—65. «Отчет Государственного банка» свидетельствует, что за период 1861—1891 гг. бывшие крепостные уплатили 988, 9 млн. руб. — 96% того, что должны были уплатить. В частности, между 1886—1891 гг. крестьяне оплатили 97% платежей.

¹⁶ Hoch S. L. The Banking Crisis, Peasant Reform, and Economic Development in Russia, 1857—1861//The American Historical Review. V. 96. № 3. 1991. P. 811.

¹⁷ Отчет Государственного банка... С. 60—62; Кованько П. Указ. соч. С. 467.

¹⁸ Там же. С. 480—481.

¹⁹ Отчет Государственного банка... С. 6—7.

²⁰ Simms J. Y., Jr. Op. cit. P. 391, 397.

²¹ Ibid. P. 380, 397. Б. Миронов делает такую ошибку, но с противоположным результатом, когда пытается утверждать, что уменьшение потребления водки на душу населения («необходимости, а не роскоши») в течение 1870-х гг. делает «графически наглядным» «ухудшение условий жизни крестьян» (Mironov B. Op. cit. P. 460—461).

²² Wheatcroft S. G. Op. cit. P. 142, 151, 153.

²³ Ibid. P. 129.

²⁴ В следующей фразе Уиткрофт противоречит самому себе, когда пишет, что «ржаной эквивалент заработка возрастал от 10—15 кг в день в 1882 г. до 15—20 кг в день в 1914 г. «.

²⁵ De Vries J. The Population and Economy of the Preindustrial Netherlands//Rotberg R. I., Rabb K., eds. Population and Economy: Population and History from the Traditional to the Modern World. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. P. 111. См. также: Hagen W. W. Working for the Junker:

The Standard of Living of Manorial Laborers in Brandenburg, 1584—1810//*Journal of Modern History*. V. 58. № 1. March 1986. P. 151.

²⁶ Schofield R. S. Through a Glass Darkly: The Population History of England as an Experiment in History//*Population and Economy*. P. 26. См. также: Lindert P. H., Williamson J. G. English Workers' Living Standards During the Industrial Revolution: A New Look//*The Economic History Review*. Second series. V. 36. № 3 (February 1983). P. 3.

²⁷ Brown E. H. P., Hopkins S. V. Seven Centuries of Building Wages//*Economica*. V. 22. № 87 (August 1955). P. 195—206; Idem. Seven Centuries of the Prices of Consumables, Compared with Builders' Wages-rates//*Economica*. V. 23. № 92 (November 1956). P. 296—314.

²⁸ С. А. Клепиков отмечает на основании изучения бюджета Европейской России, что зерновые составляли примерно 63% калорийности питания, ^{2/3} которого была рожь. См.: Клепиков С. А. Питание русского крестьянства. М., 1920. С. 3, 12. И, поскольку калории зерновых были среди наиболее дешевых источников питательности, грубые оценки, представленные здесь, не кажутся необоснованными. См. также: Чупров А. И., Постников А. С. Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства. Т. 1. С. XI; СПб., 1897. Chaianov A. V. The Theory of Peasant Economy. Madison: University of Wisconsin Press, 1986. P. 122; Smith R. E. F., Christian D. Bread and Salt: A Social and Economic History of Food and Drink in Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. P. 253—260.

²⁹ Smith R. E. F., Christian D. Op. cit. P. 278—287; Gregory P. R. Grain Marketings, and Peasant Consumption, Russia, 1885—1913//*Explorations in Economic History*. V. 17. № 2(1980). P. 151. См. также: Thirsk J. The Horticultural Revolution: A Cautionary Note on Prices//Rotberg R. I., Rabb T. K., eds. Hunger and History: The Impact of Changing Food Production and Consumption Patterns on Society. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. P. 102—103.

³⁰ Wheatcroft S. G. Op. cit. P. 158—161.

³¹ Fogel R. W. et al. Secular Changes in American and British Stature and Nutrition//*Hunger and History*. P. 248; Lindert P. H. English Population, Wages, and Prices: 1541—1913//*Population and Economy*. P. 49—58.

³² Т. Шанин недавно установил, что наемная рабочая сила сельскохозяйственного производства составляла 2, 3—6% сельского населения (Shanin T. Russia as a 'Developing Society': The Roots of Otherness: Russia Turn of the Century. New Haven: Yale University Press, 1985. V. 1. P. 94—102). Эти цифры включают годичных, сезонных и однодневных работников. См. также: Bideleux R. Agricultural Advance Under the Russian Village Commune System//*Land Commune and Peasant Community in Russia: Communal Forms in Imperial and Early Soviet Society* /R. Bartlett, ed. L.: Macmillan, 1990. P. 200; Hagen W. Op. cit. P. 151.

³³ Thirsk J. Op. cit. P. 101.

³⁴ П. Грегори установил, что реальные заработки росли со скоростью «значительно меньшей, чем потребление зерна», рассчитанное на основании количества зерна, оставляемого в деревне. Он относил это несоответствие за счет того, что «цифры заработка весьма неточны» (Gregory P. R. Op. cit. P. 153). За 6 лет до Уиткрофта Грегори также писал: «В нашем распоряжении имеются официальные данные о заработках наемных работников на фермах... но такие данные не могут быть надежными источниками для определения уровня жизни». Ни в одном из обзоров Грегори не объясняет причины своего критического мнения. (См.: Gregory P. R. The Russian Agrarian Crisis Revisited//*The Soviet Rural Economy* /R. C. Stuart, ed. Totowa: Rowman and Allanheld, 1983. P. 22.)

³⁵ Goldsmith R. W. The Economic Development of Tsarist Russia 1860—1913//*Economic Development and Cultural Change*. V. 9. № 3 (April 1961). P. 442—453; Нифонтов А. С. Зерновое производство России во второй половине XIX века. М.: Наука, 1974. С. 285—288; Gregory P. R. The Russian Agrarian Crisis... P. 22—31; Idem. Russian National Income, 1885—1913. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. P. 89—91, 264—270; Löwe H. D. Die Lage der Bauern in Russland 1880—1905. St. Katharinen: Scripta Mercaturae Verlag, 1987; Wheatcroft S. G. Op. cit. P. 133; Gatrell P. Op. cit. P. 43—47; Bideleux R. Op. cit. P. 13—14; Kahan A. Russian Economic History: The Nineteenth Century. Chicago: University of Chicago Press, 1989. P. 11; Shanin T. Op. cit. V. 1. P. 140—144; Bushnell J. Peasant Economy and Peasant Revolution at the Turn of the Century: Neither Immiseration nor Autonomy//*The Russian Review*. V. 47. № 1 (January 1988). P. 75—82. См. также: Клепиков С. А. Атлас диаграмм и картограмм по аграрному вопросу. М., 1917. С. 25. Рассматривая величины поголовья скота, Грегори установил постоянство числа голов на душу населения в период 1890—1913, Каган — уменьшение более чем на 40%.

³⁶ Srikantia S. G. Better Nutrition and India: A Comment//*Hunger and History: The Impact of Changing Food Production and Consumption Patterns on Society*. P. 171; Gregory P. R. The Russian Agrarian Crisis... P. 138.

³⁷ Hemardinquer J. The Family Pig of the Ancien Regime: Myth or Fact?//*Food and Drink in History* /R. Forster, O. Ranum, eds. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1979. P. 58—59, 66—72. См. также: Annales, E. S. C. (November-December 1970).

³⁸ Srikantia S. G. Op. cit. P. 171.

³⁹ Gregory P. R. Grain Marketings... P. 138.

⁴⁰ Idem. The Russian Agrarian Crisis... P. 26, 28—29; Idem. Grain Marketings... P. 148.

⁴¹ Goldsmith R. W. Economic Growth... P. 454.

⁴² Gatrell P. Op. cit. P. 46, 137—138; Vasudevan H. S. Op. cit. P. 208; Gregory P. R. Russian National Income... P. 138. Bideleux R. Op. cit. P. 12—18. Бидел отвергает «мрачную картину бедственного положения российского крестьянства», предлагаемую Марксом и Энгельсом, интерпретацию, которую «большинство советских и западных историков принимало» (p. 27).

⁴³ Shanin T. Op. cit. V. I. P. 141, 188; Hamburg G. M. Op. cit. P. 485; Edelman R. *Proletarian Peasants: The Revolution of 1905 in Russia's Southwest*. Ithaca: Cornell University Press, 1987. P. 83; Vasudevan H. S. Op. cit. P. 212; Rogger H. Op. cit. P. 76. См. также: Sanders J. T. Op. cit. P. 666.

⁴⁴ О двусмысленности термина «перенаселение» свидетельствует то, что его заключают в кавычки (Gatrell P. Op. cit. P. 56, 66; Shanin T. Op. cit. V. I. P. 83). Робинсон также говорит о «сравнительно плотном населении» (Robinson G. T. Op. cit. P. 245). Перенаселение отстаивали также Гершенкрон (Gerschenkron A. Op. cit. P. 755—771), Г. Павловский (Paylovsky G. *Agricultural Russia on the Eve of the Revolution*. N. Y.: Howard Fertig, 1930. P. 84—88), П. Лященко (Liashchenko P. Op. cit. V. II. P. 66—69), Х. Роггер (Rogger H. Op. cit. P. 76, 84, 86, 100, 127), Дж. Сандерс (Sanders G. Op. cit. P. 666), Аткинсон (Atkinson D. Op. cit. P. 104) и А. В. Чаианов (Chaianov A. V. Op. cit. P. 235). См. также: Kingston-Mann E. *Peasant Commune and Economic Innovation: A Preliminary Inquiry//Peasant Economy*. P. 44; Volin L. Op. cit. P. 48; Mironov B. *The Peasant Commune...* P. 460; Perrie M. *The Russian Peasant Movement of 1905—1907: Its Social Composition and Revolutionary Significance//Past and Present*. V. 57 (November 1972). P. 123—124; Vasudevan H. S. Op. cit. P. 212.

⁴⁵ Robinson G. T. Op. cit. P. 94.

⁴⁶ Freudenberg. Discussion... P. 146.

⁴⁷ Todes D. P. *Darwin without Malthus: The Struggle for Existence in Russian Evolutionary Thought*. Oxford: Oxford University Press, 1989. P. 166—172; Charbit Y. *The Fate of Malthus's Work: History and Ideology//Malthus: Past and Present/D. Dupaquieretal., eds. L.: Academic Press, 1983. P. 26; Walle E. van de., Malthus Today//Ibid. P. 242; Kingston-Mann E. *Marxism and Russian Rural Development: Problems of Evidence, Experience and Culture//The American Historical Review*. V. 86. № 4 (October 1981). P. 738; Volin L. Op. cit. P. 92; Gatrell P. Op. cit. P. 1—28. Заметным исключением были «легальные марксисты», например Струве, которых Ленин критиковал за объяснение обеднения крестьян мальтузианским давлением «перенаселения». Об этом см.: Bideleux R. *Communism and Development*. P. 73.*

⁴⁸ Grigg D. *Population Growth and Agrarian Change: An Historical Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press, 1980. P. 11—19.

⁴⁹ Shanin T. Op. cit. V. I. P. 140. См. также: Bideleux R. *Agricultural Advance...* P. 198.

⁵⁰ Chaianov A. V. Op. cit. Introduction; Клепиков С. А. Питание русского крестьянства. С. VII—XXIV, 26; Wheatcroft S. G. *The Reliability of Russian Prewar Grain Output Statistics//Soviet Studies*. V. 26. № 2 (April 1974). P. 167—168.

⁵¹ Grigg D. Op. cit. P. 13—18.

⁵² Экк Н. Опыт обработки статистических данных о смертности в России. СПб., 1888. С. 83; Борткевич В. Смертность и долговечность мужского православного населения Европейской России//Записки Императорской академии наук. Т. LXIII. № 8. 1890. Приложение; его же. Смертность и долговечность женского православного населения Европейской России//Записки Императорской академии наук. Т. LXVI. № 3. 1891. Приложение; Бессер Л., Баллод К. Смертность, возрастной состав и долговечность православного народонаселения обоего пола в России за 1851—1890 годы//Записки Императорской академии наук. Сер. VIII. Т. I. № 5 (1897). С. 21, 67. Д. А. Соколов и В. И. Гребенщиков утверждали, что смертность была постоянной между 1886 и 1901. (См.: Соколов Д. А., Гребенщиков В. И. *Смертность в России и борьба с ней*. СПб., 1901. С. 25). Хотя у Экка с его отрицательными оценками ситуации и существовал один оппонент — известный критик Е. Е. Эйхвальд (см.: Эйхвальд Е. Е. *Критические приложения к статье: К вопросу об уменьшении смертности в России//Практическая медицина* (Ноябрь 1887, июль и август — сентябрь 1888), взгляды последнего популярностью не пользовались. Новосельский С. А. *Статистический материал по вопросу о высокой смертности в России//Вестник общественной гигиены*. Январь 1908. С. 19—20. Но даже Эйхвальд подтверждал, что младенческая смертность в России возрастала (Эйхвальд Е. Е. *Указ, соч.* Июль 1888 г. С. 59—60).

⁵³ Новосельский С. А. *Смертность и продолжительность жизни в России*. Пг., 1916. С. 21—22, 52—97. См. также: Осипов Е. А. *Статистический очерк России и ее санитарного состояния//Русская земская медицина*. М., 1899. С. 37.

⁵⁴ Новосельский С. А. *Статистический материал...* С. 20; Biraben J. N. *Naissances et repartition par age dans l'Empire Russe et en Union Sovietique//Population*. V. 2. 1976. P. 454—456; Heer D. M. *The Demographic Transition in the Russian Empire and the Soviet Union//Journal of Social History*. V. 1. № 3 (Spring 1968). P. 205; Coale A. J., Anderson B., Harm E. *Human Fertility in Russia since the Nineteenth Century*. Princeton: Princeton University Press, 1979. P. 209. См. также: Kuczynski R. R. *The Balance of Births and Deaths//Eastern and Southern Europe*. Washington: The Brookings Institution, 1931. V. 2. P. 100—101; Кабузан В. М. *О достоверности учета населения России (1857—1917 гг.)//Источниковедение общественной истории: Сб. статей*, 1981. М., 1982. С. 100—117.

⁵⁵ Новосельский С. А. *Обзор главнейших данных по демографии и санитарной статистике России//Календарь для врачей всех ведомств на 1916 год*. Пг., 1916. С. 36—37, 73; Kuczynski R. P. Op. cit. P. 14; Рашин А. Г. *Население России за 100 лет*. М., 1956. С. 215; Heer D. M. Op. cit. P. 205.

⁵⁶ Рашин А. Г. *Указ, соч.* С. 41, 215; Shanin T. Op. cit. V. I. P. 188.

⁵⁷ Hoch S. L., Augustine W. R. *The Tax-Censuses and the Decline of the Serf Population in Imperial Russia, 1833—1858//Slavic Review*. V. 38. № 3 (September 1979). P. 403—425.

⁵⁸ Coale A., Anderson B., Hårm E. Op. cit.

⁵⁹ Gerschenkron A. Op. cit. P. 755; Chojnacka H. *Nuptiality Patterns in an Agrarian Society//Population Studies*. V. 30. № 2 (1976). P. 210—211; Брутскус Б. Д. *Аграрный вопрос и аграрная политика*. Пг., 1922. С. 61—62; Pavlovsky A. Op. cit. P. 83; Volin A. Op. cit. P. 92; Heer D.

М. Ор. cit. P. 228—229; Урланис Б. Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М.: Госстатиздат, 1963. С. 20.

⁶⁰ Чупров А. И. Общинное землевладение//Нужды деревни по работам комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности: Сб. статей. СПб., 1904. Т. II. С. 174—175.

⁶¹ Gerschenkron A. Op. cit. P. 771.

⁶² Atkinson D. Op. cit. P. 30—32; Gatrell P. Op. cit. P. 53.

⁶³ Аткинсон не учитывала ограниченность демографических измерений, которые она использовала, что видно из ее утверждения о том, что «смертность в России в XIX в. часто была более высокой в городах, чем в деревнях». Если при этом она предполагала, что условия жизни были худшими в деревне, то делала элементарную ошибку. Грубый коэффициент смертности, как его обычно называют, считается таким, поскольку он существенно зависит от возрастной структуры населения. Смертность в городах в действительности была более высокой, если принимать в расчет возрастные коэффициенты смертности (См.: Shryock H. S. et al. *The Methods and Material of Demography*. N. Y.: Academic Press, 1976. P. 228, 443; Новосельский С. А. О различиях в смертности городского и сельского населения Европейской России//Общественный врач. № 4 /Апрель 1911/. С. 40—62).

⁶⁴ Coale A., Anderson B., Härm E. Op. cit. P. 20—21, 41.

⁶⁵ Gatrell P. Op. cit. P. 53; Chojnacka H. Op. cit. P. 212.

⁶⁶ Bushnell J. Did Serf Owners Control Serf Marriage? Orlov Serfs and their Neighbours//*Slavic Review*. V. 52. № 3. (Fall 1993). P. 419—445; Hoch S. L. *Serfdom and Social Control in Russia: Petrovskoe, a Village in Tambov*. Chicago: University of Chicago Press, 1986. P. 118—119 (см. также: Хок С. Л. Крепостное право и социальный контроль в России: Петровское, деревня в Тамбове. Пер. с англ. М.: Прогресс-Академик, 1993).

⁶⁷ Gatrell P. Op. cit. P. 54.

⁶⁸ Coale A., Anderson B., Härm E. Op. cit. P. 17, 47, 66, 177—178.

⁶⁹ Pressant R. *Demographic Analysis: Methods, Results, Applications*. N. Y.: Aldine, 1972. P. 344; Coale A., Dedemy P. *Regional Model Life Tables and Stable Populations*. Princeton: Princeton University Press, 1966. P. 33—35; Biraben J. N. *Essai sur l'évolution démographique de L'URSS/Population. Spécial number* (1958). P. 44.

⁷⁰ Новосельский С. А. Статистический материал... С. 57; его же. К вопросу о понижении смертности и рождаемости в России//Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. Март 1914. С. 351; его же. Смертность и продолжительность жизни в России. С. 181. См. также: Куркин П. И. Статистика движения населения в Московской губернии в 1883—1897 гг. // Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел санитарный. М., 1902. Т. VI. Вып. 6. С. 210; Осипов Е. А. Указ. соч. С. 37; Kuczynski R. R. Op. cit. P. 14.

⁷¹ Новосельский С. А. Смертность и продолжительность жизни... С. 120—125, 130; Птуха М. Смертность у Росії и на Україні Харьков; Киев, 1928. С. 115, 120.

⁷² Wrigley E. A. *Population and History*. N. Y.: McGraw-Hill, 1969. P. 131; Hollingsworth T. H. *Historical Demography*. L.: Hodder and Stoughton, 1969. P. 5; Schofield R., Reher D. *The Decline of Mortality in Europe/The Decline of Mortality in Europe/R*. Schofield, D. Reher, A. Bideau, eds. Oxford: Clarendon Press, 1991. P. 4; Caselli G. *Health Transition and Cause-Specific Mortality/Ibid*. P. 69.

⁷³ Птуха М. Таблицы смертности для Украины. 1896—1897 гг. //Записки соціально-економічного відділу. Киев, 1923. С. 17—62; его же. Смертность... С. 115, 120.

⁷⁴ Smith T. L., Zopf P. E., Jr. *Demography: Principles and Methods*. Philadelphia: F. A. Davis Company, 1970. P. 433—434.

⁷⁵ Coale A. J., Anderson B., Härm E. Op. cit. P. 5, 205—206; Heer D. M. Op. cit. P. 194, 202, 218—221, 238.

⁷⁶ McKeown T. *Food, Infection, and Population/Hunger and History...* P. 46; idem. *The Modern Rise of Population*. N. Y.: Academic Press, 1976. P. 128—142.

⁷⁷ Taylor C. E. *Synergy among Mass Infections, Famines, and Poverty/Hunger and History...* P. 288; Scrimshaw N. S. *The Value of Contemporary Food and Nutrition Studies for Historians/Ibid*. P. 332.

⁷⁸ McKeown T. Op. cit. P. 29.

⁷⁹ Schofield R., Reher D. Op. cit. P. 8—9.

⁸⁰ Livi-Bacci M. *The Nutrition-Mortality Link in Past Times: A Comment/Hunger and History...* P. 95—100; Idem. *Population and nutrition: An essay on European demographic history*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. P. 41—62, 79—110.

⁸¹ Новосельский С. А. Статистический материал... С. 47; его же. Смертность и продолжительность жизни... С. 182—184; его же. Обзор... С. 70; Caselli G. Op. cit. P. 79.

⁸² Lancaster H. O. *Expectations of Life: A Study in the Demography, Statistics, and History of World Mortality*. N. Y.: Springer-Verlag, 1990. P. 304—312, 374—409.

⁸³ Ростовцев Г. И. Доживаемость мужского населения до 20—21 г. и телесное развитие призывного населения в Дмитровском уезде Московской губернии//Вестник общественной гигиены. Август 1902 г. С. 1187; Sandberg L. G., Steckel R. H. *Overpopulation and Malnutrition Rediscovered: Hard Times in 19th-century Sweden/Explorations in Economic History*. V. 25. № 1. 1988. P. 3—4; Komlos J. *Nutrition and Economic Development in the Eighteenth-Century Habsburg Monarchy: An Anthropometric History*. Princeton: Princeton University Press, 1989. P. 23—54; Floud R. C., Wachter K. W., Gregory A. S. *Height, Health and History: Nutritional Status in Britain, 1750—1980*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

⁸⁴ McKeown T. *The Modern Rise...* P. 138—139; Woods R., Hinde P. R. *Mortality in Victorian England: Models and Patterns/Journal of Interdisciplinary History*. V. 18. № 1. (Summer 1987). P. 39; Vallin J.

Mortality in Europe from 1720 to 1914: Long-Term Trends and Changes in Patterns by Age and Sex//The Decline of Mortality in Europe... P. 38—67; Livi-Bacci M. Population and Nutrition... P. 70—71.

⁸⁵ Д. А. Соколов, В. И. Гребенщиков (см.: Соколов Д. А., Гребенщиков В. И. Указ. соч. С. 25, 37—38, 45—55) и Д. Е. Горохов (см.: Горохов Д. Е. Общественное значение изучения детской смертности и борьбы с ней//Вестник общественной гигиены. Октябрь 1908. С. 1633—1636; Там же. Ноябрь 1908. С. 1734—1743) дают детальный обзор литературы по этому вопросу. См. также: Птуха М. Смертность 11 народностей Европейской России в конце XIX века//Труды Демографического Института. Киев, 1928. Т. 6. С. 25—26, 31; Новосельский С. А. Статистический материал... С. 29—30; его же. Обзор... С. 66—67; его же. Смертность и продолжительность жизни... С. 181—182; Coale A. J., Anderson B., Härm E. Op. cit. P. 75; Kunitz S. J. Speculations on the European Mortality Decline//The Economic History Review. Second series. V. 36. № 3 (August 1983). P. 352, 357.

⁸⁶ Livi-Bacci M. Op. cit. P. 96; Schofield R., Reher D. Op. cit. P. 16. Таким образом, попытки Гатрелла использовать младенческую смертность для характеристики доходов для России являются сомнительными (Gatrell P. Op. cit. P. 30—37). Кроме того, кажется сомнительным и утверждение Кагана, что «механизм увеличения количества населения в этот период (1860—1913) состоит в уменьшении смертности (особенно младенческой)» (Kahan A. Op. cit. P. 2—3).

⁸⁷ McKeown T. Food... P. 28; Idem. The Modern Rise... P. 152—154; Idem. Fertility, Mortality, and Causes of Death: An Examination of Issues Related to the Modern Rise of Population//Population Studies. V. 31. № 3 (November 1978): P. 541; Lee W. R. Introduction: Population Growth, Economic Development and Social Change in Europe, 1750—1970/W. R. Lee, ed. European Demography and Economic Growth. L.: Croom Helm, 1979. P. 15; Perrenoud A. Mortality Decline in its secular setting//Pre-Industrial Population Change: The Mortality Decline and Short-Term Population Movements/T. Bengtsson, G. Fridlitzius, R. Ohlsson, eds. Stockholm: Almqvist and Wiksell International, 1984. P. 43.

⁸⁸ Flinn M. W. The European Demographic System, 1500—1820. Baltimore: Johns Hopkins University Press. 1981. P. 101. См. также: Skrimshaw N. S. Op. cit. P. 334.

⁸⁹ Domar E. Were Russian Serfs Overcharged for their Land by the 1861 Emancipation? The History of One Historical Table//Research in Economic History: Agrarian Organization in the Century of Industrialization: Europe, Russia, and North America. Supplement 5 (1989). Part B. P. 434; Лосицкий А. Е. Выкупная операция. СПб., 1906. С. 38—39.

⁹⁰ Domar E. Op. cit. P. 436.

⁹¹ Gerschenkron A. Op. cit. P. 740—741.

⁹² Дегтярев А. Я., Кашенко С. Г., Раскин Д. И. Новгородская деревня и реформа 1861 года: Опыт изучения с использованием ЭВМ. Л., 1989. С. 143—146; Кашенко С. Г. Реформа 19 февраля 1861 года в Санкт-Петербургской губернии. Л., 1990. С. 130—139; Hoch S. L. Introduction. The Novgorod Countryside in the Reform of 1861: A Computer-Aided Experimental Study//Soviet Studies in History. V. 30. № 4 (Spring 1992. P. 5).

⁹³ Hoch S. L. The Banking Crisis... P. 815.

⁹⁴ Bowman L. Russia's First Income Taxes: The Effects of Modernized Taxes on Commerce and Industry, 1885—1914//Slavic Review. V. 52. № 2 (Summer 1993). P. 257.

⁹⁵ ПСЗ. Сер. II. Т. 36. № 36. С. 662. Ст. 185, 186; № 36. С. 663, Ст. 191, 192 (19 февраля 1861 г.); Т. 54. № 59. С. 250 (23 января 1879 г.); Кованько П. Указ. соч. С. 201—229, 481; Simms I. J., Jr. Op. cit. p. 384—385.

⁹⁶ Grigg G. Op. cit. P. 47; Watkins Susan Cotts, Walle Etienne, van de. Nutrition, Mortality, and Population Size: Malthus' Court of Last Resort//Hunger and History... P. 10—11, 28.

⁹⁷ Нифонтов А. С. Зерновое производство... С. 225.

⁹⁸ Boserup E. The Conditions of Agricultural Growth. Chicago: Aldine, 1965; Idem. Population and Technological Change: A Study of Long-term Trends. Chicago: University of Chicago Press, 1981.

⁹⁹ Malthus T. R. An Essay on the Principle of Population. //The Works of Thomas Robert Malthus. V. 2/E. A. Wrigley, David Souden, eds. L.: W. Pickering, 1986. P. 104, 108, 188; Chaianov A. V. On the Theory of Non-Capitalist Economic Systems//Theory of Peasant Economy. P. 1—28.

¹⁰⁰ Simon J. L. The Effects of Population on Nutrition and Economic Well-Being//Hunger and History... P. 229.

¹⁰¹ Chaianov A. V. Op. cit. P. 28; Bideleux R. Agricultural Advance... P. 200—201; Löwe H. D. Differentiation in Russian Peasant Society; Causes and Trends, 1880—1905//Land Commune. P. 165—191.